

Русская армия и ассигнации в 1813 – 1815 годы: малоизвестная страница антинаполеоновских войн

*А. В. Бугров,
кандидат исторических наук*

Петр I говорил: «Деньги суть артерия войны» [1, с. 116], и таковыми они оставались на протяжении всей последующей истории. Наряду с формированием военного бюджета это включало и вопросы его освоения, в том числе снабжение армии во время заграничных походов. В период военных действий в Померании (1710-е гг.) армия снабжалась европейской монетой, получаемой через торговлю. В 1759–1762 гг. для Пруссии, оккупированной русскими войсками, на монетных дворах Кенигсберга и Москвы по талерной стопе выпускалась особая монета, с профилем русской императрицы Елизаветы Петровны [2, с. 11, 22, 138, 139]. Десять лет спустя, в 1771–1774 гг., из трофейных турецких пушек по распоряжению генерал-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева и под руководством барона Петра Николауса фон Гартенберга в Содогуре (Буковина) был налажен выпуск медных монет с двойным турецко-русским номиналом, которыми оплачивали местные расходы [3, с. 179–184]. Французский император Наполеон снабжал армию поддельными бумажными деньгами Австрии и России. Когда же русская армия перешла реку Неман (28 декабря 1812 г.), оказавшись уже на территории Пруссии и Герцогства Варшавского, перед правительством возникла задача снабдить 90-тысячное войско деньгами, которые могли приниматься местным населением.

Эта задача осложнялась тем, что русская монета там напрямую не принималась в платежи. Что же касалось ассигнаций (которые к тому времени в самой России не вполне считались деньгами – скорее, векселями на монету), то отношение к ним даже на западе самой Российской империи было очень осторожным [4, с. 281–288]. В этой связи правительство могло воспользоваться уже опробованным методом – покупкой иностранной валюты или транслировкой заграничных векселей. Но в условиях бюджетного напряжения того времени (в 1812 г. государственные расходы превышали доходы на 10 млн руб. [5, с. 617, 621]) и дефицита звонкой монеты в казне¹ министр финансов Дмитрий Александрович Гурьев (1751–1825)

принял решение о снабжении русской армии за границей ассигнациями.

В отличие от наполеоновских войск, где практиковались выплаты фальшивками, русскую армию решено было снабдить российскими бумажными деньгами, которые до этого времени имели хождение сугубо внутри Российской империи. По мнению современного исследователя, это был «единственный случай, когда был разрешен вывоз русских ассигнаций за рубеж» [7, с. 173]. Притом это осуществлялось в период инфляционного бумажно-денежного обращения (которое не могло создать дополнительных трудностей), а также наводнивших денежное обращение многочисленных подделок [7, с. 50–64; 8, с. 179–184; 9, с. 198–207].

К сожалению, имеющиеся в исследованиях немногочисленные упоминания о хождении российских ассигнаций в период заграничной кампании русской армии 1813–1814 гг. носят характер краткой констатации факта или изложения отдельного, во многом случайно найденного документа [10, с. 55–56; 11, с. 9; 12, с. 197–199; 7, с. 173]. Между тем опыт обращения русских бумажных денег в Европе интересен своей уникальностью. Для этого была создана сеть так называемых «променных контор» Ассигнационного банка, благодаря которой была налажена конвертация бумажных билетов в серебряные талеры.

К тому времени ассигнации оставались не просто бумажными денежными знаками. В условиях, когда кредитные рынки Европы были закрыты для России, выпуск банкнот стал чуть ли не основным средством финансирования войны. С конца 1812 г. по конец 1815 г. их количество в обращении увеличилось почти на треть (на 28%, с 645,9 млн руб. до 825,8 млн руб.), а биржевой курс упал с 25,2 до 20 копеек серебром за условный бумажный рубль (самым низким номиналом ассигнаций в то время был пятирублевый денежный билет) [13, с. 25]. Манифестом от 9 апреля 1812 г. все платежи внутри России должны были производиться ассигнациями [14, с. 280–282].

Именно ассигнациям как основной массе обращавшихся российских денежных знаков в правительстве придавали большое значение в деле снабжения армии за границей, несмотря на исторически устойчивое предпочтение монете. Для их размена было первоначально решено организовать две променные конторы Ассигнационного банка: при Штабе главнокомандующего русской

¹ Известно, что на конец января 1813 г. в Государственном и Санкт-Петербургском казначействах хранилось золотой и серебряной монеты лишь на 3,1 млн руб., включая золотые голландские червонцы (Российский государственный исторический архив. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 27). Одновременно сумма всех ассигнаций в обращении превышала 645 млн рублей.

армией генерал-фельдмаршала М. И. Кутузова и при армии адмирала П. В. Чичагова. Указ об их создании был дан лично императором Александром I 13 января 1813 г. [15, с. 505–506]. Преамбула документа в духе ушедшего XVIII в. составлена как личное обращение царя к вельможе: «Князь Михайло Ларионович! По вступлении армий наших в соседственные владения необходимо нужно, чтобы все монеты наши, не исключая и государственных ассигнаций, имели в оных свободное обращение» [15, с. 505].

Променные конторы первоначально учреждались для обмена ассигнаций «в том краю, где войска находятся», «для доставления способов чинам армии обменять ассигнации высшего достоинства на мелкие» [16, с. 505; 15, с. 505]. Автоматически это означало внедрение ассигнаций в местные платежи.

Альтернативой этому в то время могли стать только реквизиции необходимых товаров на нужды армии. Одновременно с изданием указа М. И. Кутузов обсуждал с бывшим прусским министром Генрихом Штейном (1757–1831) способы снабжения русской армии. Штейн писал, что «бесплатные реквизиции, истощая средства жителей, лишают их возможности вносить в казну подати, и потому должно прибегать к этому способу с большою умеренностью. Гораздо удобнее установить поставку запасов войскам за наличные деньги по определенным ценам» [17, с. 148].

Царский указ закрепил эту точку зрения. В приложении к нему объявлении (которое следовало перевести и опубликовать на трех языках: русском, немецком и польском) говорилось о приеме «на законном основании» всех российских денежных знаков, включая монету. На них предполагалось закупать продовольствие для армии, для чего планировалось закрепить цены на важнейшие продукты (как было сказано в документе, «обнародовать таксы всем жизненным припасам, как-то хлебу, мясу, пиву и проч.») и установить твердый курс местных валют к рублю. Этот список с фиксированными ценами называли «кутузовским тарифом» [18, с. 142].

По соглашению с прусским правительством за продовольствие, фураж и иные услуги, оказываемые русским войскам местными жителями, положено было уплачивать 20% суммы наличными деньгами, а остальную – квитанциями конторы. В Пруссии были учреждены специальные магазины: как между реками Неманом и Вислой, так и на самой Висле (в Ландсберге, Бреслау, Лигнице и Бунцлау)¹. Провиант в них поступал как из Пруссии, так и с территории Герцогства Варшавского [18, с. 36–37]. Кроме того, временные магазины были в Кенигсберге, Инстербурге, Ангербурге (работали по 10 дней), Эльбинге, Мариенбурге, Мариенвердере, Браунсберге и Морунгене (работали по 5 дней) [17, с. 149].

За основу соотношения между ассигнациями и серебряным рублем был взят паритет 4:1, отражавший средний курс бумажного рубля на Санкт-Петербургской бирже за 1812 г. Прусский талер (рейхсталер), исходя из серебряного содержания (16,7 г.), был приравнен к 93 серебряным

копейкам. Исходя из этого рубль серебром оценивался в один рейхсталер 6 грошенов и 16 7/8 дихтена². Соответственно, пятирублевая ассигнация оценивалась в один рейхсталер 31 грошен и 3 3/32 дихтена [15, с. 506].

Предполагалось выпустить в обращение ассигнации только трех достоинств: пятирублевые, десятирублевые и двадцатипятирублевые – «потому что они по разности цветов представляют лучшее между собой различие: 25-рублевые ассигнации суть белые, 10-рублевые – красные, а 5-рублевые – синие» [15, с. 505].

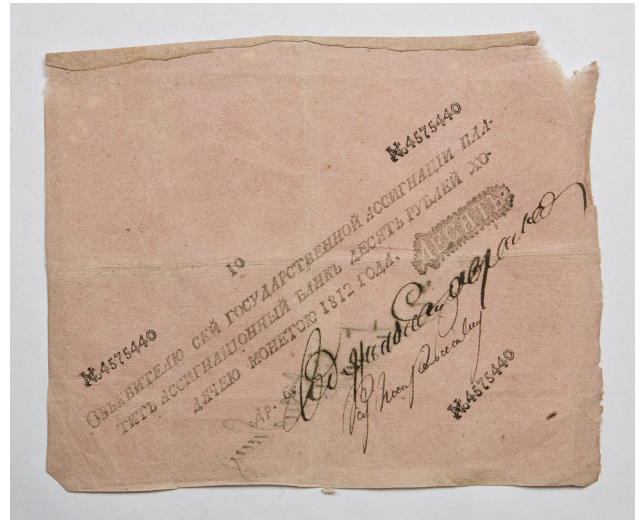

Рис. 1. Российская государственная ассигнация 10 рублей, 1812 год. (Из Музейно-экспозиционного фонда Банка России)

В правительстве понимали, что одной из главных опасностей нового мероприятия могут стать многочисленные подделки русских ассигнаций. Поэтому в «Объявлении» предупреждалось о смертной казни за подделку денежных билетов – «по законам той земли, где войска российские находиться будут» [15, с. 505].

Действительно, фальшивые ассигнации не заставили себя долго ждать. В начале 1813 г. они обнаружилились на Волыни. В Бродях, за австрийской границей, в руки купца Пирха попала 25-рублевая фальшивка [19], а затем похожие стали находить на российской стороне. Как удалось установить, «французы выпустили в Варшаве через посредство дюка де Бассано³ и какого-то банкира Френкеля до 20 млн руб. ассигнациями, разослав их в разные места» [19]. По поручению волынского губернатора Михаила Ивановича Комбурля (1761–1821) Пирха доставил образцы фальшивых ассигнаций – это были подделки денежных билетов в 5 рублей, 25 рублей, 50 рублей и 100 рублей – и за услуги осведомителя по ходатайству министра финансов был награжден золотой медалью на голубой ленте [19].

Д. А. Гурьев распорядился усилить контроль на австрийской границе и предложил обратиться в Вену за помощью в этом вопросе, полагая, что К. фон Меттерних

² Прусский талер (рейхсталер) приравнялся к 24 грошеном. Дихтен – монета, курс которой к рейхсталеру сначала составлял 30/1, а к 1813 г. – 52,5/1.

³ Юг-Маре, герцог де Бассано (Hugues-Bernard Maret; 1763 – 1839), французский дипломат, политик и государственный деятель, министр иностранных дел Франции в 1811 – 1813 годы.

¹ Ландсберг (или Ландсберг-на-Варте), ныне Гожув Велькопольский, Польша, Бреслау – Вроцлав, Польша, Лигниц – Легница, Польша, Бунцлау – Болеславец, Польша.

сделает все возможное. Но реальность брала верх, и, по мнению министра финансов, «самый бдительный надзор таможен останется иногда безуспешным по удобствам скрывать их (т. е. ассигнации. — А. Б.) в одежде и экипажах, особливо когда по причине пребывания войск за границами проезды людей и транспортов происходят, так сказать, бесперывно» [20].

Министр финансов признавал, что еще не нашел действенного средства против подделок и в качестве возможной меры предлагал «переменить форматы ассигнаций». «Но таковая операция требует времени, — писал Д. А. Гурьев графу А. А. Аракчееву, — с какой бы деятельностью ее ни произвести. Нельзя полагать прежде года привести ее в действие — тогда, когда вред в полной мере будет исполнен» [21].

Между тем перед государем следовало быстро отчитаться за устройство контор. Поэтому спешно, уже 29 января 1813 г., была составлена инструкция по их деятельности и определен первоначальный капитал. Эту сумму в 2 млн руб. должен был выделить Ассигнационный банк¹. Спустя два дня, 1 февраля, были назначены директор контор², что можно было считать началом их деятельности.

Ассигнации были главной заботой новых учреждений. В конторах должны были разменивать все пять номиналов обращавшихся ассигнаций; при этом крупные купюры в 50 рублей и 100 рублей подлежали размену, в то время как билеты в 5 рублей, 10 рублей и 25 рублей обменивали на новые только в случае их ветхости [22]. Поступившие ассигнации не должны были вновь попадать в обращение. Ветхие, как это делалось по правилам Ассигнационного банка, перечеркивались (исключение было сделано для крупных денежных билетов в 50 и 100 рублей); одновременно составлялся их реестр. Эти денежные знаки отвозились в Ассигнационный банк и поступали на обработку в Экспедицию для приема и ревизии ассигнаций.

Во избежание недоразумений конторам сразу запретили давать деньги взаймы — за исключением, если на то было представлено письменное разрешение главнокомандующего армиями. Именно перед ним, а не перед банком, они отчитывались о своей деятельности. Заподозрив что-то неладное, главнокомандующий мог в любое время назначить ревизию сумм [23].

Министра финансов беспокоил, по его мнению, достаточно произвольно назначенный курс ассигнаций. В условиях продолжавшегося падения бумажного рубля это фактически означало курсовые потери. Тем более что до Д. А. Гурьева дошли слухи, что один банкир в Бреслау (Вроцлав) работал с российской валютой не по установленному паритету, а по «рыночному» курсу [24]. Гурьев хотел и вовсе запретить вывоз ассигнаций, но в

правительстве признавали, что «вывоза на военные нужды невозможно избежать, пока банковые ассигнации не заменены будут другой монетой, и особенно звонкой» [25]. Министр даже предлагал выпустить что-то вроде оккупационных денег («по сему предмету ведутся теперь переговоры с Англией») и учредить бумажные деньги на прусскую монету³. Их можно было выкупить, заключив специальный заем, или на звонкую монету, «отдавая сию операцию до окончания войны», с выгодой для казны [28]. Причем, как считал Гурьев, к этому выкупу должны были быть привлечены все союзные державы.

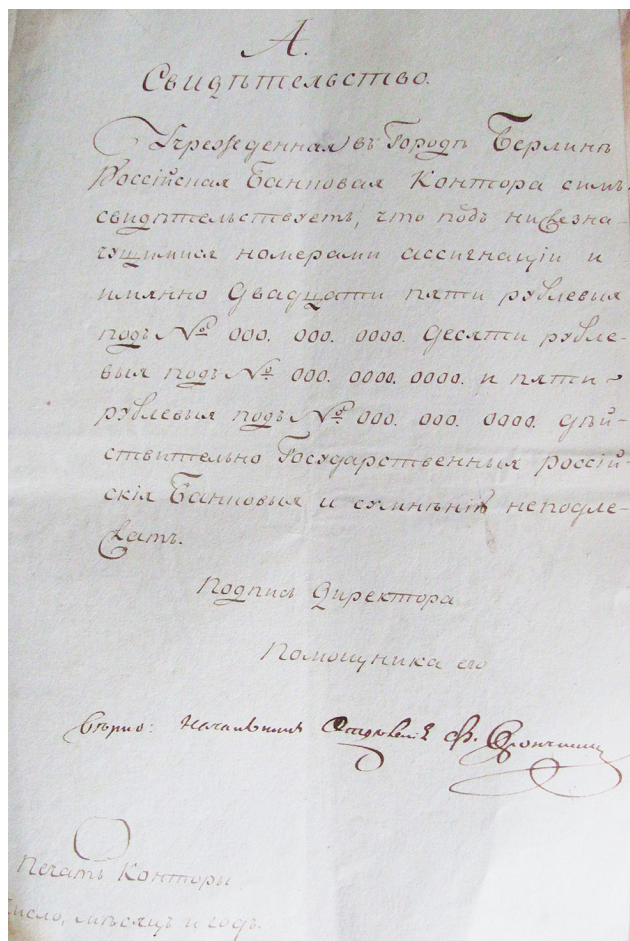

Рис. 2. Образец «свидетельства» о подлинности ассигнаций променной конторы Ассигнационного банка в Берлине, 1813 год

Однако Александр I не поддержал эту идею, и Гурьеву ничего не оставалось, как произвести эксперимент с ассигнациями на землях Польши и Пруссии. Барон Штейн предупреждал Д. А. Гурьева, что заграничная во-

¹ Штат конторы предполагался из шести человек (включая директора), а ее устройство копировало променные конторы, существовавшие внутри империи (на 1813 г. в Российской империи существовало пять променных контор Ассигнационного банка: в Архангельске, Вышнем Волочке, Одессе, Рыбинске и Таганроге). Денежная наличность хранилась в опечатанных закрытых сундуках, а само здание охранялось воинским караулом.

² Директором променной конторы в Калише был назначен надворный советник Александр Иванович Бороздин (1780 – 1859), а при армии П. В. Чичагова – барон Карл-Фабиан (Карл Иванович) Унгерн-Штернберг (1762 – ?).

³ Для этой цели Д. А. Гурьев предлагал ввести денежные билеты в 100, 200, 500 и 1000 талеров, приносившие их держателям по 5% в год, и каждые полгода выкупать 1/12 часть их общей суммы звонкой монетой. Для выкупа всех оставшихся в Европе ассигнаций (их сумма оценивалась в 50 млн руб.) в 1814 г. Д. А. Гурьев предполагал потратить 13 млн прусских талеров, что, по его мнению, сэкономило для русской казны 20 млн руб. Для проведения этой операции наряду с уже существовавшими (к тому времени) променными конторами предполагалось учредить конторы Ассигнационного банка в Лейпциге и Франкфурте-на-Майне [26, с. 142; 27, с. 579–581].

йна уронит курс рубля и лучше, чтобы армия рассчитывалась местными деньгами [29]. Не отрицая этих очевидных истин, Д. А. Гурьев раздраженно писал А. А. Аракчееву: «Я должен откровенно признаться Вашему сиятельству, что все теоретические прения и споры столь много меня утомили, что я их всегда желаю избегать – особливо, когда опыт и практическое отправление дел научают довольно и очевидно» [30]. Министр предвидел сложность уже на первом этапе, начиная от русскоязычных надписей на российских банковских билетах и дробного соотношения сумм при обмене. Он полагал, что пруссаки и поляки попросту будут питать «отвращение» к ассигнациям и при первом же случае будут предъявлять их к размену. А это, в свою очередь, еще больше понизит их биржевой курс [31].

Наконец, все в больших количествах стали попадать с подделки, причем в самой Российской империи. Д. А. Гурьев полагал, что большинство их происходит из сопредельных стран. Так, в присланном в Ригу денежном пакете, отправленном из Кенигсберга компанией Гигера, из 50 тысяч руб. 10 тысяч руб. оказались фальшивыми [32]. Фальшивки встречались даже при выдаче жалования российским офицерам и военным чиновникам.

Министр финансов справедливо опасался роста убытков по этой операции, о чем писал графу А. А. Аракчееву в Санкт-Петербург (4 февраля 1813 г.): «В нынешнем положении нашем при введении в действие сей операции встречается... умножение ассигнаций наших великим числом фальшивых, которое неприятель разлил не только в государстве нашем, но и в сопредельных землях. Средства же к защищению от сего зла весьма трудны во всех случаях... Признаюсь Вам, что сие до крайности меня озабочивает и что я еще не открыл ничего к тому удовлетворительного» [33, с. 78].

В итоге Д. А. Гурьев остановился на мысли создать целую сеть променных контор в Европе, которые могли бы стать фильтрами бумажной денежной наличности. Именно из-за участившихся случаев обнаружения фальшивок министр финансов просил А. А. Аракчеева похотатайствовать перед императором о скорейшем открытии таких учреждений, чтобы ассигнации из Пруссии и Польши напрямую не попадали в Россию [34].

8 марта 1813 г., находясь в Калише (где тогда размещался штаб М. И. Кутузова)¹, император Александр I подписал порядок деятельности променных контор, основанный на идеях Д. А. Гурьева. Они в скором времени были учреждены в трех городах – Берлине, Кенигсберге и Варшаве, причем в Кенигсберге была переведена бывшая контора при армии П. В. Чичагова². Вместе с уже существовавшей конторой в Калише (при штабе главно-

командующего) они обеспечивали циркуляцию в Пруссии и Польше русских бумажных денег. Две недели спустя, 26 марта (7 апреля по новому стилю) 1813 г. между Пруссией и Россией была заключена конвенция, согласно которой 25% от суммы поставок оплачивалось банковскими ассигнациями по курсу петербургской биржи, 37,5% – зерновым хлебом и столько же – квитанциями променных контор, «по коим платеж должен был последовать по заключении мира» [18, с. 5]. По королевскому эдикту, ассигнации должны были приниматься в правительственных кассах и населением наравне с прусскими деньгами [36].

В отличие от Пруссии в Герцогстве Варшавском практиковались реквизиции, так как Польша управлялась как завоеванная страна, прежний союзник Франции [18, с. 572]. В прочих сопредельных государствах русским полковым командирам было приказано выдавать за получаемые товары квитанции (по фиксированным ценам «кутузовского тарифа»), однако на практике это не всегда выполнялось. М. Б. Барклай-де-Толли говорил о своих командирах: «Никто не хочет ожидать, пока дойдет до него очередь; многие стараются получить запасы силой» [18, с. 142–143].

Тем не менее объемы закупок оставались значительными. Для обмундирования армии в Пруссии было закуплено 740 тысяч аршин сукна различных цветов, по ценам от 3 руб. 50 коп. до 3 руб. 75 коп. за аршин [17, с. 140–141]. А после взятия Лейпцига (19 октября (по новому стилю) 1813 г.) там было приобретено для армии 100 тысяч пар сапожного товара [18, с. 142].

Как работали конторы, наглядно показывают сохранившиеся архивные материалы по деятельности таковой в Варшаве [37]. На внесенную для перевода сумму, которая обязательно отражалась в книге конторы, на гербовой бумаге выписывалась квитанция (ей присваивался индивидуальный номер). О ней уведомляли одну из казенных палат, где по требованию вносителя деньги получал оговоренный бенефициар или его представитель. Эти платежи могли производиться в С.-Петербурге, Гродно, Вильно или Риге, причем вноситель мог выбрать только один из этих городов. Непосредственный же ввоз в Россию ассигнаций был запрещен во избежание подделок (за их нелегальный провоз виновные привлекались к военному суду) [38].

Судя по сохранившимся материалам по Варшавской променной конторе, ее клиентами были как местные коммерсанты, так и российские офицеры, причем первые – в большей степени. При этом практически все они требовали перевода на петербургскую казенную палату. Так, польский купец Карл Ган 11 июля 1813 г. представил к переводу 10 тысяч руб. ассигнациями и получил квитанцию (под номером 104139) о выдаче этой суммы в северной столице; деньги по ней получил артельщик купцов Мейера и Бриксенера из сумм Ассигнационного банка [39].

Особенно часто переводил деньги в Петербург варшавский банкир Самуил Френкель, связанный партнерскими отношениями с предпринимателем Людвигом Ивановичем Штиглицем (1778–1843), впоследствии придворным банкиром. За раз Френкель мог переводить по несколько десятков тысяч, и даже суммы более ста тысяч рублей [40]. Гораздо скромнее были переводы других

¹ В Калише штаб М. И. Кутузова и главная квартира императора Александра I размещались с 12 (24) февраля до 27 марта (8 апреля) 1813 года [17, с. 68].

² Директорами променных контор были чиновники Ассигнационного банка: Варшавской – коллежский советник Лев Петрович фон Клейст, Берлинской – барон Павел Иванович фон Дольст (1787–1831). Штаб Варшавской конторы состоял из четырех человек: директора, кассира, письмоводителя и писца. Известно также, что в берлинской променной конторе работал Иван Иванович Ламанский (1794 – 1879), в будущем сенатор и директор Особенной канцелярии по кредитной части, отец известного экономиста и банкира Е. И. Ламанского [35, с. 8].

коммерсантов: «вексельеров» (банкиров) Вольфа-Михеля Кона, Исаака-Симона Розена, варшавских купцов Мартина Якоби, Морица Самельсона, Габриэля Берксона, Герша Якоба и др. Видимо, большинство этих лиц было связано со снабжением русской армии.

Если в контору приносилась фальшивка, то о ней составлялся доклад главнокомандующему. Квитанции за нее не полагалось, а сам денежный знак изымался у предъявителя¹. Платеж по ней мог быть произведен только с разрешения главнокомандующего, «когда усмотрено будет, что фальшивая ассигнация принята незаведомо и не с намерением и что лишение оной было бы отяготительно по состоянию предъявителя» (в отличие от такого порядка в самой Российской империи поддельные ассигнации оплачивались банком) [41].

О том, настолько большие суммы отпускались в армию, могут говорить расходы по Военному департаменту, которые в первом квартале 1813 г. составили 12,3 млн руб. [42]. Всего, как признавал Д. А. Гурьев, за 1813 г. за границу на нужды армии было выпущено до 70 млн руб., из которых 20 млн руб. было переведено конторами обратно в Россию [43; 26, с. 141; 44, с. 132]. «Сии деньги, – по признанию министра, – в каждый почтовый день появлялись на биржах наших, иногда по 500 тыс. и 700 тыс., для покупки векселей², которых, таким образом, никогда не доставало для обыкновенных коммерческих оборотов» [27, с. 578–579]. Из-за нехватки ассигнаций командующему армией М. Б. Барклаю-де-Толли он хотел выслать даже казначейские облигации (на 6 млн руб.), однако «почти все сии облигации остались без употребления» и были возвращены назад, в Министерство финансов [45]. В конце концов, Гурьев нашел возможность снабдить армию, продвигавшуюся по Саксонии и в другие германские земли, хотя бы частично местной монетой – с помощью «кредитива» (тратты) на 200 тыс. рублей [46].

После битвы при Лейпциге (16–19 октября 1813 г.) и отступления Наполеона I за Рейн снабжением русской армии ведала особая комиссия под председательством К. фон Меттерниха. На променные конторы были возложены «прием и хранение сумм на содержание действующей армии потребные, равно и отпуск оных» [47]. Квитанции на получение денег (жалованье и т. п.) могли теперь обналичивать сами конторы (без их пересылки в Российскую империю), если на то имелось распоряжение царя или главнокомандующего³. Земли созданного Наполеоном Рейнского союза были обложены контрибуцией в 17 млн гульденов (около 10 млн руб. серебром); под залог этой суммы были выпущены 6%-ные облигации (из которых Россия, Австрия и Пруссия получили по 5/16 всей номинальной суммы облигациями, а Швеция – 1/16). Этими бумагами оплачивались поставки для армии. Продовольствие закупалось, исходя из потребностей, закрепленных в ежедневном рационе. Так, нижние чины русской армии

ежедневно получали два фунта⁴ ржаного или белого хлеба, четверть фунта крупы (или фунт картофеля и других сырых овощей), полфунта говядины, порцию водки (или пива) и на месяц один фунт соли; офицеры – два фунта белого хлеба, четверть фунта крупы, два фунта говядины и порцию водки, пива или вина [18, с. 323].

Впрочем, военные не всегда расплачивались даже такими суррогатами. Известно, что граф Михаил Семенович Воронцов (в будущем кавказский наместник, более известный по едкой эпиграмме А. С. Пушкина) заплатил более 1,5 млн руб. ассигнациями за офицеров оккупационного корпуса, которым он командовал в Мобеже [49, с. 184]. По признанию современника, это несколько расстроило его большое состояние, которое он вскоре приумножил благодаря выгодной женитьбе⁵.

Вообще, иностранцы крайне неохотно соглашались получать платежи бумагой. По воспоминанию участника заграничной компании Александра Ивановича Михайловского-Данилевского (1789–1848), «одни говорили о совершенной невозможности продовольствовать русских, а другие утверждали, что собственные их войска будут скоро претерпевать голод... Прибыл в Вену нарочный генерал из Штутгарта объявить решительно об отказе своего правительства продовольствовать русских. Баварцы делали всех более затруднений; один из министров их писал: "В последние войны пожертвования Баварии были так для нее обременительны, что, не установив точных условий на счет возврата денег за поставку продовольствия, нет возможности требовать от нее какого-либо пособия при проходе русских войск"» [50, с. 153–154].

Когда русская армия возвращалась из-за границы, контролировать провоз ассигнаций военными было очень сложно. Поэтому Гурьев предложил комитету министров (26 июня 1814 г.) снять этот бессмысленный, по его мнению, запрет. Лишь ассигнации крупных номиналов, среди которых, как считали, немало подделок, следовало сдать корпусным командирам – в течение трех дней после специального распоряжения (если такие билеты оказывались подлинными, они возвращались владельцу, в то время как «сомнительные» оставались в Ассигнационном банке) [51].

Помимо бумажных рублей полки, квартировавшие во Франции, привозили иностранную «звонкую» монету (наполеондоры, эю, прусские талеры, луидоры, гинеи и др.), которые в 1820 г. разменяли по курсу на ассигнации. Это золото и серебро передали на Петербургский монетный двор, где оно стало сырьем для чеканки российской монеты [52].

Что касается квитанций контор, то, очевидно, что их в большом количестве могли предъявить прусские подданные. Учитывая, что прусского короля Фридриха-Вильгельма с императором Александром I связывала личная дружба, можно предположить, что расчеты за поставки были урегулированы без особых осложнений, тем более что по условиям договора от 1 ноября 1815 г. побежденная Франция пять лет обязалась выплачивать большую кон-

¹ Фальшивки перечеркивали крестообразно и отправляли в Правление Ассигнационного банка.

² Имеются в виду переводные векселя – тратты, служившие для покупки иностранной валюты.

³ Так было, например, в случае с Берлинской променной конторой, квитанции на которую были выписаны в Калише по распоряжению главнокомандующего М. Б. Барклая-де-Толли [48].

⁴ Русский фунт – 409,5 г.

⁵ Его женой стала Елисавета Ксавьерьевна Браницкая (1792–1880), племянница князя Г. А. Потемкина.

трибуцию своим бывшим противникам¹. Известно, уже в начале 1815 г. променные конторы при штабе армии и в Кенигсберге прекратили свою деятельность². Варшавская контора работала дольше, до мая 1815 г., когда на основании специального положения комитета министров (от 11 мая 1815 г.) переводы ассигнаций через нее были прекращены. Вместо этого был разрешен свободный провоз и пересылка российских бумажных денег из Герцогства Варшавского (получившего в том же году наименование Царства Польского, главой которого стал Александр I) в пределы империи [54, с. 121]. Одновременно в результате больших военных расходов биржевой курс бумажного рубля достиг минимума за всю историю ассигнаций: за «синенькую» (так называли пятирублевый билет) давали лишь один «целковый» (серебряный рубль) [13, с. 25]. ■

Список литературы:

1. *Ключевский В. О.* Сочинения в 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Часть 4. М., 1989.
2. *Уздеников В. В.* Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах: 1700–1917 гг. М., 1995.
3. *Czechowskyj I., Pywowarow S.* Содогурский монетный двор возле Чернякаво во время русско-турецкой войны (1771–1774) // *Pieniadz I wojna. Materiały z VI Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej.* Warszawa, 2004.
4. *Шишанов В. А.* К вопросу об обращении русских ассигнаций в губерниях, «от Польши присоединенных», на рубеже XVIII–XIX вв. // *Нумизматический сборник ГИМ.* Т. XVI. М., 2003.
5. Министерство финансов: 1802–1902 гг. Часть первая. СПб., 1902.
6. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 27.
7. *Маршак М. Б.* Наполеоновские подделки русских ассигнаций / Труды Государственного Эрмитажа. Вып. 26. Нумизматика. № 6. Ленинград, 1986.
8. *Квизикявичус Л.* Обращение и распространение наполеоновских и других подделок русских ассигнаций в Виленской губернии в 1–2 дес. XIX в. // *Pieniadz – Kapital – Praca – Wspolne dziedzictwo Europy. Materiały z VIII Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej.* Warszawa, 2006.
9. *Грималаускайте Д.* Локализация места производства фальшивых ассигнаций И. Цейзика (1779–1860) и некоторые аспекты их распространения // *Pieniadz – Kapital – Praca – Wspolne dziedzictwo Europy. Materiały z VIII Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej.* Warszawa, 2006.
10. *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание войны 1813 г. Часть 1-я. СПб., 1840.
11. *Орлов А. П.* Бумажные денежные знаки в Беларуси. Минск, 2008.
12. *Марней Л. П.* Д. А. Гурьев и финансовая политика в России в начале XIX в. М., 2009.
13. *Кашикаров М. П.* Денежное обращение в России Т. 1. СПб., 1898.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 32. № 25080.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 32. № 25315.
16. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 8.
17. *Богданович М. И.* История войны 1813 г. за независимость Германии по достоверным источникам. Т. 1. СПб., 1863.
18. *Богданович М. И.* История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 4. СПб., 1869.
19. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 4.
20. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 18.
21. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 13 об.
22. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 8.
23. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 11.
24. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 15.
25. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 815 об.
26. *Богданович М. И.* История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 5. СПб., 1871.
27. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. Серия 1-я. Т. 7. М., 1970.
28. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 23.
29. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 2. Л. 6 об., 9 об.
30. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 2. Л. 8.
31. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 19–22.
32. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 36 об. – 37.
33. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I / сост. Н.Ф. Дубровин. М., 2006.
34. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 36 – 38 об.
35. *Ламанский Е. И.* Избранные сочинения / Сост. А. В. Бугров. М., 2005.
36. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 53.
37. РГИА. Ф. 557. Оп. 1. Д. 623. С. 31–190 и др.
38. РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 50. Л. 10–11.
39. РГИА. Ф. 557. Оп. 1. Д. 623. Л. 31–35.
40. РГИА. Ф. 557. Оп. 1. Д. 623. Л. 74, 75, 89, 124, 132, 142, 149, 158, 171, 191, 238, 240, 245.
41. РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 50. Л. 11–11 об.
42. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 88–89.
43. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 3. Л. 58 об.
44. *Сивков К. В.* Финансы России после войны с Наполеоном // Отечественная война и русское общество. Т. 7. М., 1912.
45. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 52.
46. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 2. Л. 8–8 об.
48. РГИА. Ф. 557. Оп. 1. Д. 638. Л. 1–3.
49. *Соллогуб В. А.* Воспоминания. М., 1998.
50. *Михайловский-Данилевский А. И.* Записки 1814 года. СПб., 1831.
51. РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 50. Л. 15–17 об.
52. РГИА. Ф. 557. Оп. 1. Д. 792. Л. 1–16.
53. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 2. Л. 7–7 об.
54. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 33. № 25844.

¹ В 1818 г. этот французский долг иностранным державам протирался до 1390 млн франков [26, с. 280].

² Об этом свидетельствуют послужные записи по директорам контор, в частности, по К. И. Унгерн-Штернбергу [53].